

ИССЛЕДОВАНИЯ

Татьяна Пашкова

АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ НА СТРАНИЦАХ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ДЛЯ ШКОЛЬНИКОВ: КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА НАЦИОНАЛЬНОГО ГЕРОЯ

В статье рассматриваются способы конструирования образа национального героя в учебной литературе XIX — н. XX в. на примере князя Александра Ярославича Невского. Объектом исследования являются 27 руководств по отечественной истории для младших классов гимназий и 22 — для старших, то есть весь совокупный контент обязательных учебников, одобренных Министерством народного просвещения на протяжении изучаемого периода и внесенных им в специальные каталоги учебной литературы. В результате проделанного исследования делаются следующие выводы. На страницах учебников для младшей школы предлагался максимально идеализированный образ Александра Невского, приближавшийся к апологетическому житийному портрету, что достигалось путем эмоционального воздействия на читателя, избирательного цитирования источников, иногда определенного авторского «додумывания» и прямого художественного вымысла, касающегося характера героя, образа его жизни, образования и т. д. В учебных руководствах для старшей школы не происходило какого-то качественного скачка ни в смысле отбора содержания, ни с точки зрения глубины анализа исторического материала. Текст становился стилистически более «взрослым», но по-прежнему содержал много умолчаний и мало аналитики.

Ключевые слова: Александр Невский, национальный герой, историческая память, учебная литература, дореволюционная школа

Татьяна Ильинична Пашкова

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
Санкт-Петербург
tatianapashkova22@gmail.com

Александр Невский на страницах дореволюционной учебной литературы для школьников: конструирование образа национального героя

Школьные учебники являются важным и весьма информативным источником по изучению политики исторической памяти. Проблема наличия у каждой нации нескольких историй, одна из которых отражается на страницах школьной литературы, была поставлена еще в известной книге М. Ферро «Как рассказывают историю детям в разных странах мира» [Ферро 1992, 9]. В предлагаемой статье рассматриваются способы конструирования образа национального героя в учебной литературе XIX — н. XX в. на примере князя Александра Ярославича Невского. Этот исторический персонаж был выбран потому, что имел не вполне однозначную репутацию у своих современников и ближайших потомков, которые давали разные оценки отдельным его поступкам и политике в целом. В этой связи как раз интересно проанализировать, каким образом такая сложная и противоречивая фигура под пером авторов школьных учебников превращалась в идеального «рыцаря без страха и упрека».

Дореволюционные учебники по отечественной истории делились Министерством народного просвещения на три категории: руководства (книги, по которым учителя обязаны были преподавать предмет), пособия (дополнительная литература, которую можно было использовать на уроках по усмотрению педагогического совета) и книги для ученических библиотек, фактически предназначавшиеся для самообразования школьников [Выписка 1883, 35]. Наибольший интерес для цели моего исследования представляют учебные руководства, поскольку именно они должны были формировать у основной массы школьной молодежи определённый образ прошлого. Дело в том, что в дореволюционной школе именно учебник являлся для учеников главным источником как фактической информации, так и ее интерпретации. Как писали педагоги, книга «играла не только господствующую, но совершенно подавляющую роль: живое слово, наглядное пособие, карта, непосредственный опыт — все это побочные, второстепенные приатки, занимающие ничтожное место...» [Езерский 1900, 119]. Если иметь в виду, что многие учителя, судя по мемуарам, просто задавали выучить текст учебника «от сих до сих», то можно сказать, что это было воздействие «напрямую». Историю изучали как в младших (10-14 лет), так и в старших (16-18 лет) классах гимназий.

Об Александре Невском написано немало, в том числе, разумеется, изучался и его образ в культурной и исторической памяти [Кривошеев, Соколов 2009; Кривошеев, Соколов 2013; Соколов 2014 и др.]. Однако единственным автором, обратившим в этой связи внимание на школьные учебники, был Ф. Б. Шенк. Правда, в его фундаментальной монографии этому аспекту темы посвящено всего несколько страниц [Шенк 2007, 197–204, 207–208]. Кроме того, Шенк использовал для анализа только 14 произвольно отобранных учебников, что, на мой взгляд, снижает репрезентативность его наблюдений над материалом. Представляется, таким образом, что обозначенная тема нуждается в дополнительном, более тщательном изучении.

Объектом моего исследования стали 27 руководств по отечественной истории для младших классов гимназий и 22 — для старших, то есть весь совокупный контент обязательных учебников, одобренных министерством на протяжении XIX — н. XX вв. и внесенных им в специальные каталоги учебной литературы [см. подробнее: Пашкова 2020a].

Учебники для младших классов гимназий

Преподавание отечественной истории в младших классах гимназий в виде элементарного (эпизодического) курса началось только в 1870-х гг. Дидактические и педагогические задачи на младшей ступени заключались в том, чтобы упражняя память, в то же время действовать на воображение, «на облагораживание нравственного чувства учеников, на пробуждение и укрепление в них любви к отечеству» [Учебные планы предметов 1872, 110; Учебные планы предметов 1877, 111].

В абсолютном большинстве учебников для этой возрастной категории, вышедших вплоть до революции, то есть в течение сорока с лишним лет, именно Александр Невский олицетворял собой не только русских князей как таковых, но и всю Русь в период между Андреем Боголюбским и Иваном Калитой. Если отталкиваться от текстов учебных книг, то получалось, что только он один мужественно и в конечном счете успешно противостоял внешним врагам, терзавшим русские земли в XIII в. Не случайно многие авторы старательно подчеркивали общерусский масштаб его деятельности. В учебниках можно увидеть следующие утверждения: после того, как ливонцы овладели Псковом и новгородское вече попросило Александра вернуться, он согласился, так как «дело ка-

салось всей России и православной церкви» [Беллярминов 1901, 38–39]; после Невской битвы «радость в Новгороде была великая, и все славили Александра Ярославича как неустрашимого вождя, спасшего от врага русские земли и православную веру», русские люди «возлагали на великого князя свои лучшие надежды и были уверены в том, что он будет печаловаться за русский народ, радеть о его покое и счастье» [Метельский 1909, 43, 45]; «Александр спасал своим мужеством Русскую землю от шведов и немцев и этим оказал громадную услугу отечеству» [Смирнов 1910, 40]; «видя Русскую землю в опасности, Александр забыл прежние обиды, вернулся в Новгород, и скоро очистил Новгородскую землю от немцев» [Добрынин 1911, 31]; слава о подвигах Александра «разнеслась по всей Русской земле» [Дучинский 1914, 51; Черепнин 1913, 51]; получив великое княжение владимирское, «он стал заботиться о всей земле Русской», «отвечал перед татарами за Русскую землю» [Рассказы 1902, 26; Ефименко 1914, 62; Смирнов 1910, 43]; «весь народ русский любил князя за его заботы и заступничество перед ханом» [Попелишев 1916, 48]; князь отправился к великому хану в Монголию «для пользы земли Русской» [Смирнов 1910, 43]; «горько и тяжело было Александру повиноваться хану, но нельзя было ослушаться, т. к. знал, что за его непокорность пострадает Русская земля»; «немало претерпел обид и унижений за Русскую землю» [Черепнин 1913, 52].

Таким образом, вряд ли можно согласиться с заключением Ф. Б. Шенка, что в российских учебниках для государственных школ «Александр Невский не принадлежит к первому рангу героев русской истории» и что «его личность не получает здесь такого внимания, как другие исторические фигуры» [Шенк 2007, 198–199]. В программах элементарного курса русской истории прямо говорилось, что его цель состоит в том, чтобы «ознакомить учащихся с наиболее доступными им чертами из жизни и характера великих исторических деятелей (выделено мной — Т. П.)» [Учебные планы 1872, 110; Учебные планы 1877, 111]. Думается, этой же цели (возвеличиванию Александра Ярославича до персонажа общерусского масштаба как в бытность его новгородским князем, так и великим князем Владимирским) служил пересказ эпизода о реакции митрополита Кирилла на известие о кончине героя повествования. Дело в том, что в так называемой первоначальной редакции Жития Александра Ярославича и Новгородской первой летописи младшего извода слова митрополита звучали следующим образом: «Чада мои, разумеите, яко заиде солнце земли Суздаль-

скои» [Повесть о житии 1981, 438; Новгородская первая летопись 1950, 453]. Это вполне соотносится с длительным существованием именно местного, локального культа князя Александра. Его общерусская канонизация произошла только в середине XVI в., но уже во второй половине XV столетия в ряде летописных текстов, редакций Жития и др. фраза митрополита Кирилла приобрела иной вид: «Уже заиде солнце земля Руския» [Шенк 2007, 75–77]. Разумеется, составители учебников не вдавались в такие источниковедческие детали. В большинстве своем они были не учёными и тем более не специалистами по русским древностям, а обычными гимназическими учителями и чиновниками Министерства народного просвещения [Пашкова, 2020а]. В 20 учебниках из 27 эта фраза воспроизводилась как «закатилось солнце земли Русской» (в остальных семи упомянутый сюжет отсутствовал) [Баженов 1881, 40; Преображенский 1885, 59; Турцевич 1894, 32; Фармаковский 1898, 48; Иловайский 1899, 37; Пузицкий 1902, 46; Беллярминов 1901, 40; Беллярминов 1907, 34; Рассказы 1902, 27; Метельский 1909, 46; Острогорский 1910, 35; Дучинский 1914, 52; Добрынин 1911, 33; Добрынин 1914, 54; Боргман 1914, 31; Смирнов 1910, 43; Черепнин 1913, 53; Сальников 1893, 32; Сальников 1895, 32; Сальников 1902, 38]. Возможно, что исходно она была заимствована из «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, использовавшего для описания сцены выражение «солнце отечества закатилось» (при этом один из авторов, Г. Н. Преображенский, воспроизвел её дословно вслед за Карамзиным), а затем стала кочевать из одного учебника в другой [Карамзин 1819, IV, 89; Преображенский 1885, 59].

Противоречивость изложения учебного материала заключалась в том, что несколькими страницами раньше ученикам рассказывалось об отсутствии единой Руси к моменту нашествия Батыея, так как она распалась на уделы и начались междукняжеские усобицы. Например, из учебника В. В. Владимирского читатели узнавали, что преемники Андрея Боголюбского по владимирскому княжеству «утратили власть над остальной Русью, и сама Русь раздробилась еще более, чем это было до Андрея»; с конца XII в. «каждое княжество становится полной собственностью одной ветви княжеского рода и русская земля распадается на самостоятельные земли» [Владимирский 1914, 42–44].

Только у пяти авторов (А. К. Шуфа, А. И. Ишимовой, Д. И. Иловайского, А. Мостовского и А. И. Боргмана) наряду с Александром Невским на страницах учебных книг присутствовал его современник и своеобразный антипод — князь Даниил Романович Галицкий

и таким образом у читателей появлялась возможность сравнить этих двух персонажей. Однако такое сравнение было далеко не всегда однозначно в пользу первого.

Александр	Даниил
«Батый потребовал, чтобы он явился в Орду для изъявления ему покорности. Александр повиновался, ибо понимал, что разделенная на уделы Россия была еще не в силах тогда бороться с татарами»	«Даниил Галицкий задумал было свергнуть татарское иго, стал возобновлять и укреплять города, разрушенные Батыем, и собирать войско для борьбы с татарами, отказался платить дань» [Шуф 1870, 44, 45]
«В сношениях с татарами он поступал с таким же самоотвержением, как и отец его: необыкновенно храбрый со всеми другими врагами отечества, он сдерживал себя и удерживал своих подданных от всякого сопротивления татарам»	«Горделивый князь, пылкий и нетерпеливый возмел в душе твердое намерение свергнуть унижительное иго» [Ишимова 1879, 59–61]
«Умный Александр ясно видел, что опустошенная и разделенная Россия была еще не в силах бороться против монгольского ига; поэтому он исполнил волю хана и изъявлял ему покорность»	«Он задумал свергнуть татарское иго; начал укреплять города и собирать войско. Заключив союз с королями венгерским и польским, храбрый Даниил прогнал баскаков и отказался платить дань» [Иловайский 1899, 38]
«Назначенный великим князем, Александр Невский угождал хану татарскому, ибо хорошо понимал, что только покорностью можно спасти отечество от окончательного разорения»	«Князь Даниил Романович был князь умный и деятельный и усердно трудился над улучшением быта опустошенной монголами страны» [Мостовский 1904, 29, 23]
«Александр хорошо понимал, что у измученного русского народа нет еще сил свергнуть из владычество... Поэтому, скрепя сердце, он убеждал русских людей покориться власти хана... и сам признал ее...»	«Пылкий, гордый, решительный и несдержанный, он ни за что не хотел примириться с татарской властью, все надеялся свергнуть ее. Но его надежды не сбылись: ему пришлось, смиривши гордость, съездить на поклон в Орду. <...> Правда, при сыновьях и при внуках Даниила Романовича Галицко-Вольнская земля не чувствовала татарского гнева и была почти независима от хана» [Боргман 1914, 31]

Как ни старались авторы оправдывать и рационализировать действия Александра Невского, позиция Даниила Галицкого по отношению к поработителям все равно выглядела более решительной и патриотической: ведь именно галицкий князь поставил своей целью свергнуть ненавистное и унижительное иго, чего бы это ему не стоило, а Александр Ярославич «повиновался» и «смирился».

Стоит отметить, что для учеников младших классов эмоциональная составляющая изложения была чрезвычайно важна, поэтому в адресованных им текстах появилось много красочных подробностей в описании внешности Александра Невского и его героических поступков, взятых из летописей и жития, либо являвшихся результатом «самостоятельного творчества» авторов. В итоге в некоторых учебниках можно было встретить весьма произвольные характеристики личностных качеств князя:

«Храбрый, необыкновенно благочестивый, любящий бога и надеющийся на него, а такие люди никогда не унывают, какие бы несчастия не случались с ними» [Ишимова 1879, 58]; «Красивая, величественная и привлекательная наружность, практический ум, твердость воли и гибкость характера, или умение сообразовываться с обстоятельствами» [Баженов 1881, 38]; «Умел понравиться всякому, значит, много у него было талантов, если он мог угодить на каждого... Был хорошо образован и от души любил православную веру. В делах правительственных был тверд и непреклонен. Требовал покорности и подчинения, терпеть не мог беспорядка и противоречий и строго наказывал тех, которые мешали ему править землей. Он был убеждён, что лучше всех знает, что полезно и что вредно для России, и когда делал что для России, то желал, чтобы ему помогали, а не указывали» [Фармаковский 1898, 44–45]; «Страдания родного народа... рано заставили его думать о том, как бы помочь народу, рано пробудили в нем желание послужить родной земле» [Рассказы 1902, 23]; «У Александра Ярославича не раз щемило сердце и кипела кровь при виде татарских насилий, но разум сдерживал горячее сердце, и до поры до времени мирился с этим» [Метельский 1909, 45].

Однако дальше всех в своих рассуждениях на эту тему зашел В. А. Пузицкий, в учебнике которого содержался следующий пассаж:

Князь Александр всегда соблюдал заповеди Божии и поступал по ним; лицам духовным он всегда оказывал почтение. Старался быть кротким, избегал тщеславия. Соблюдал умеренность во сне, в пище, зная, что излишество побуждает к бездеятельности. Он любил читать священные книги и петь священные песни; он часто молился днем и ночью, и это считал он одним из важнейших дел. Усердно и внимательно читая книги, священное писание, он старался и поступать так, как в них написано. Родные и близкие, видя его жизнь, радовались; сам же он старался скрывать свои подвиги «ради смиренномудрия»... Будучи добр душой, князь Александр истратил много золота и серебра на выкуп пленных. Любя правосудие, он часто наставлял бояр, чтобы они не гордились,

судили справедливо, не обижали бедного, не брали незаслуженной награды, а чтобы были довольны тем, что им назначено по закону. Он влиял на бояр ласковым обращением, просьбами и силой убеждения. Видя, что князь получил мудрость от Бога, никто не возражал ему, и все старались исполнять его повеления. Вообще он мудро и справедливо управлял страной, а все подданные любили его [Пузицкий 1902, 39].

В целом репертуар характеристик Александра Ярославича состоял из следующих эпитетов: храбрый, благочестивый, скромный, благоразумный, самоотверженный, добрый, великодушный, рассудительный, умный, доблестный, мужественный, мудрый, милостивый, кроткий, справедливый, талантливый, воинственный, энергичный. При этом авторы довольно редко прямо называли его «героем» [Турцевич 1894, 34], но подчеркивали, что он совершал подвиги во имя русской земли, рискуя собственной жизнью [Сальников 1893, 32], «спасал ценой унижения русскую землю от нового погрома» [Беллярминов 1901, 40], «с опасностью для жизни поехал в Сарай», «предлагал хану все свое состояние, себя самого, лишь бы только он оставил в покое несчастную родину его» [Беллярминов 1907, 34; Пузицкий 1902, 45], «переносил лишения, невзгоды, унижения и обиды» [Метельский 1901, 45] и т. д.

Другим способом эмоционального воздействия на читателя являлось использование иллюстративного материала. Типографские возможности вплоть до конца XIX в. были в этом смысле весьма ограничены, но с начала XX в. в учебниках для младших классов иллюстрации стали применяться гораздо чаще. Тем не менее из всего корпуса одобренных министерством руководств для младшей школы они присутствовали только в двенадцати, а Александр Ярославич был представлен в восьми, то есть большинстве учебных книг. Связанные с ним иллюстрации посвящались четырем основным сюжетам: молитве князя в храме перед Невской битвой и его выходу к дружине [Ишимова 1879, 59; Ефименко 1914, 61], самой Невской битве и связанным с ней легендами (видение Пелгусия) [Смирнов 1910, 41; Добрынин 1914, 50; Добрынин 1911, 30; Сальников 1902, 35; Мостовский 1904, 28], представлению князя как святого благоверного [Дучинский 1914, 49; Смирнов 1910, 40; Мостовский 1904, 27], и Александру Невскому в ставке хана, умолявшему «пощадить Русскую землю» [Смирнов 1910, 42]. По наблюдению Ф. Б. Шенка, изображения Александра Ярославича отсутствовали в различных исторических иллюстрированных сериях, что, по мнению исследователя, свидетельствовало о его

«подчиненном значении» в «национально-патриотическом пантеоне XIX в.» [Шенк 2007, 199]. Однако иллюстрации в школьных учебниках, на мой взгляд, не подтверждают этот вывод. Во всяком случае отсутствие изучаемого персонажа в этих сериях, которые теоретически могли использоваться как дополнительные пособия при изучении отечественной истории, компенсировалось наличием соответствующих иллюстраций в учебных руководствах. Кроме того, из четырех серий картин, прямо рекомендованных Министерством народного просвещения в качестве школьных пособий, две содержали изображения на интересующую нас тематику [Золотов 1863, № 26; Рождественский 1881, № 5].

В трактовках безусловно героического новгородского княжения Александра Ярославича мотив его противостояния попыткам обратить русских в латинскую веру так или иначе присутствовал в большинстве учебных руководств. При этом, вопреки утверждению Ф. Б. Шенка, не всегда авторы вслед за С. М. Соловьевым винили в этом стремлении римского папу [Там же, 203]. В ряде случаев в их интерпретации инициаторами окатоличивания новгородцев выступали сами шведы во главе со своим королем без какого-либо наущения со стороны понтифика [Шуф 1870, 43; Пузицкий 1902, 40; Метельский 1909, 42; Острогорский 1910, 34; Добрынин 1911, 47; Черепнин 1913, 51; Добрынин 1914, 49; Боргман 1914, 30; Попелишев 1916, 49]. Интересно, что в текстах учебников, как правило, не использовались местоимения «мы», «наши», то есть не было попыток самоидентификации авторов и, соответственно, читателей с людьми прошлого. Из всего массива учебных руководств встретилось только три примера подобного рода. В одном случае говорилось, что «римские папы хотели распространить у нас католичество» и действовали через шведов [Преображенский 1885, 54], в другом — «немцы стали вторгаться в наши пределы» [Сальников 1893, 31], в третьем — «он (Александр Невский — Т. П.) понимал, что для сохранения своей родины от этих варваров *нашим* предкам нужно было с покорностью выносить иго татарское» (везде выделено мной — Т. П.) [Смирнов 1910, 42].

В целом тема защиты и в конечном счете триумфа православной веры особенно не педалировалась. Возможное объяснение этого феномена дано Ф. Б. Шенком, предположившим, что в дискурсе «Россия и католическая Европа» главная партия «чужого» отводилась «не Швеции или Тевтонскому ордену... а Польше» [Шенк 2007, 194]. В учебной литературе чаще всего лишь в общем виде писалось о победах над «врагами», «западными недругами»,

«немецким владычеством» [Метельский 1909, 44; Турцевич 1894, 32, 34], прославлялась личная доблесть Александра Ярославича и руководимых им новгородцев («так храбро умел Невский победить рыцарей Западной Европы, которые прекрасно были вооружены и всю жизнь занимались только тем, что воевали») [Баженов 1881, 39] и т. д. На первом плане в изложении этих сюжетов была обычно демонстрация «силы и могущества русских» и только на втором — ликвидация опасности для веры православной [Добрынин 1911, 48]. Лишь пять авторов из двадцати семи называли соответствующий параграф «*святой*» (выделено мной — Т. П.) Александр Невский» или подчеркивали, что князь «от души любил православную веру», помещали предание о попытках папы склонить его к латинству, прямо писали, что в 1240 г. русские люди впервые бились за свою веру и славили героя после Невской битвы как неустрашимого вождя, защитника православия [Фармаковский 1898, 44–45; Ишимова 1879, 58; Дучинский 1914, 50]. По понятным причинам резче всего этот мотив звучал в учебниках, изданных во время Первой мировой войны, но также далеко не во всех. Например, А. Я. Ефименко отмечала, что «новгородцы с князем Александром отстаивали русское славянство и православие от наступления германского племени и католицизма» [Ефименко 1914, 62], а В. В. Владимирский, что «немцы и шведы рассчитывали обратить русских в католичество, а православие они не считали истинной религией» [Владимирский 1914, 53].

В завершении параграфа, где подводились итоги правления Александра Невского и формулировалось его место в русской истории, очень редко говорилось о защите православной веры как одном из его важнейших достижений: например, приводилась цитата из летописи («много он потрудился за землю русскую, за Новгород и за Псков, за все великое княжение, отдавая живот свой, и за веру православную») и утверждалось, что народ «смотрел на него как на ангела-хранителя, а церковь причислила к лику святых» [Добрынин 1914, 54]. О последнем обстоятельстве писали практически все авторы, не поясняя при этом прямо, за что князь удостоился такой чести. В целом логика и композиция изложения материала были таковы, что главный акцент все-таки делался на подвигах князя по отмаливанию подданных в Орде от ханского гнева. Однако при этом следует подчеркнуть, что вопреки утверждению Ф. Б. Шенка, далеко не всегда формальный объем информации о «восточной политике» Александра доминировал над рассказом о его победах над «западными врагами». Противоположная ситуация наблю-

дается в текстах А. К. Шуфа, Н. А. Баженова, Д. И. Иловайского, Г. Н. Преображенского, В. А. Пузицкого и других авторов.

Что касается второго (великокняжеского) периода биографии Александра Ярославича, то здесь в изложении появлялось большое количество лагун. Прежде всего отсутствовали обстоятельства получения им владимирского княжения, а вместе с ними и какого бы то ни было упоминания о братьях Александра, Андрее Ярославиче и Ярославе Ярославиче. Только А. И. Ишимова написала, что хан после смерти отца утвердил Александра на столе киевском и новгородском, «а когда в 1252 г. брат его Андрей Ярославич выгнан был из Владимира татарами, то хан и этот великокняжеский стол отдал Александру Невскому», да И. И. Беллярминов отметил, что «после своего брата Андрея, бежавшего от татар в Швецию, Александр получил ярлык на великокняжеский престол» [Ишимова 1879, 60; Беллярминов 1901, 40]. При этом причины бегства Андрея никак не объяснялись и не комментировались. Остальные авторы дружно проигнорировали этот сюжет.

Позиция Александра Ярославича по отношению к татарам традиционно и солидарно характеризовалась всеми авторами как единственно возможная «при тогдашнем состоянии русской земли», дальновидная, расчетливая и т. д. Слабостью Руси объяснялась невозможность любого сопротивления: раздробленность на уделы, княжеские усобицы, опустошение татарами при Батые, массовые убийства и пленение русских людей, непобедимость завоевателей, их огромная численность. Пространнее всех высказался на эту тему В. Г. Метельский:

Умный и расчетливый Александр Ярославич хорошо понимал, что послушание вызовет гнев хана и повлечет за собой новое нашествие татар, а русский народ, между тем, еще не мог бороться с ними. Для борьбы с бесчисленными полчищами степняков нужна была огромная сила, а между тем опустошенная Русская земля не могла выставить более или менее значительной рати, — тем более, что Русь была раздроблена на отдельные княжества и между князьями не было согласия. Понимал Александр Ярославич, что еще нельзя думать о войне с татарами и надо, как ни горько, скрепя сердце, выказывать смирение и покорность хану, чтобы этим спасти Русь от окончательного разорения [Метельский 1909, 44].

Необходимо отметить, что тема защиты Александром Ярославичем русской «цивилизации» и «самобытности» от азиатского «варварства», обозначенная Ф. Б. Шенком [Шенк 2007, 201],

на страницах учебников проявлялась не столь очевидно, как можно было бы ожидать. Некоторые авторы, наоборот, подчеркивали, что «татары не вмешивались во внутренние дела России: народные обычаи, язык и православная христианская вера не подверглись влиянию их владычества и сохранились во всей своей целостности» [Сальников 1893, 29]. В отдельных случаях, впрочем, это обстоятельство напрямую ставили в заслугу изучаемому персонажу: Александр Невский достиг того, что «хан оставил управление всеми делами в руках природных русских князей. Благодаря этому русский народ сохранил в целостности свою веру, свой язык и свои обычаи» [Дучинский 1914, 52]. Чаще всего монголы описывались нейтрально; лишь изредка можно увидеть характеристики вроде «страшный враг», «поработители» и т. д. [Сальников 1893, 32; Дучинский 1914, 51]. Только три автора из двадцати семи использовали такие эмоционально окрашенные выражения, как «дикий народ» или «нашествие варваров» [Баженов 1881, 30; Владимирский 1914, 55; Смирнов 1910, 42].

Развивая мысль об исторической правоте Владимирского князя в его политике покорности и подчинения татарам, создатели учебных текстов по-разному стремились преподнести ученикам тему конфликта Александра Невского с новгородцами по поводу монгольской переписи и восстаний жителей других городов против баскаков. Первый из названных сюжетов находил свое отражение буквально в одном предложении («Александр увещевал народ терпеливо сносить все бедствия, справедливо полагая, что они могут усилиться в случае неповиновения татарам; по этой причине он приневолил даже новгородцев платить дань Орде») [Беллярминов 1901, 40], либо отсутствовал в изложении примерно у трети авторов [Либен, Шуйская 1888; Турцевич 1894; Иловайский 1899; Пузицкий 1902; Метельский 1909; Острогорский 1910; Владимирский 1914; Дучинский 1914; Ефименко 1914; Попелишев 1916]. В тех случаях, когда он все же присутствовал, акцент делался на том, что мудрый и великодушный Александр Ярославич «уговорил» новгородцев согласиться на перепись, да еще добился для них определенных преференций — «выхлопотал у хана... право представлять дань в орду через своих великих князей, а не сборщиков татарских (баскаков)» [Ишимова 1879, 60; Рассказы 1902, 26; Преображенский 1885, 58; Добрынин 1911, 32; Смирнов 1910, 43; Черепнин 1913, 52]. О принуждении «угрозами и увещаниями» гордых новгородцев говорилось гораздо реже [Шуф 1870, 45; Баженов 1881, 40].

Более подробный рассказ о конфликте поместили лишь два автора: Г. Н. Преображенский и В. И. Фармаковский. При этом тональность изложения была такой, что новгородцы изображались как дети малые, проявлявшие безрассудство и непослушание, Александр Ярославич же выступал в роли мудрого и дальновидного отца, который, разумеется, должен был пожурить своих беспокойных и неразумных чад, но в то же время спас их своими действиями от гнева и мести татар [Преображенский 1885, 85; Фармаковский 1898, 47].

В целом можно констатировать, что на страницах учебников для младшей школы предлагался максимально идеализированный образ Александра Невского, который, по сути, приближался к апологетическому житийному портрету. Это вполне соответствовало общей установке министерства, заключавшейся в том, что «явления и события светлые» следовало излагать детям более подробно, а «темные» — кратко [Учебные планы 1872, 115; Учебные планы 1877, 119]. Достигались эта задача путем эмоционального воздействия на читателя, избирательного цитирования источников, иногда определенного авторского «додумывания» и прямого вымысла о характере князя, его образе жизни, образовании, взаимоотношениях с близкими людьми и подданными. При этом в целях «облагораживания нравственного чувства» и укрепления любви к отечеству «темные явления и события» в большинстве учебных книг просто выпускались из изложения, очевидно, чтобы не тревожить юные и незрелые умы излишними противоречиями и сомнениями.

Учебники для старших классов гимназий

В первой половине XIX в. министерством были одобрены к применению в мужских гимназиях только учебники двух авторов — И. К. Кайданова и Н. Г. Устрялова [Каталог 1854, 8]. В учебнике И. К. Кайданова сразу был задан определенный формат описания древнерусского князя, который принципиально практически не изменился на протяжении всего изучаемого периода. Восходил он в целом к карамзинским трактовкам. Читателям книги Александр Ярославич представлялся как человек, от природы наделенный всеми мыслимыми достоинствами («величественной красотой, редким мужеством и превосходным разумом») и «христианскими добродетелями» [Кайданов 1834, 56]. Кроме того, выдвигался основополагающий тезис, заключавшийся в том, что единственной целью всех

действий его как государственного деятеля «было благо подвластного ему народа» [Там же, 57].

Двумя ключевыми сюжетами из биографии князя на страницах учебников были его подвиги в борьбе со шведами и немцами в статусе новгородского князя, и «печалование» за русскую землю перед татарами в качестве великого князя Владимирского. Однако и И. К. Кайданов, и Н. Г. Устрялов о битвах Александра Ярославича со шведами и немцами писали очень кратко, даже не упоминая напрямую о Ледовом побоище и не объясняя, откуда у князя взялось прозвище «Невский». Эти сюжеты нужны были прежде всего для демонстрации главных его качеств — мужества и смелости, чтобы впоследствии объяснить «унижение», «рабствование» и «раболепство» перед Ордой не робостью и слабостью духа, но любовью к отечеству [Кайданов 1834, 57–58; Устрялов 1842, 30–31]. Основное внимание в изложении биографии Александра Невского уделялось его взаимоотношениям с татарами. Авторы учебников убеждали читателей, что политика Александра Ярославича, проявлявшаяся в «смирении», «угождении хану» и пресмыкательстве перед его вельможами, была спасительной для подвластного ему народа, поскольку уберегла «отечество от конечного порабощения, иначе ханы лишили бы князей власти и назначили в правители Руси своих баскаков», ввели бы свой суд и управление и уничтожили все русское [Кайданов 1834, 58–59; Устрялов 1842, 30–31]. При этом они деликатно обходили стороной тему жестокого обращения с этим самым народом, противившимся татарской переписи и трактовали действия князя как всего лишь «обуздывание» недовольных, поскольку с их стороны это было «великодушное, но бесполезное негодование» [Устрялов 1842, 30–31]. Тем не менее рассуждения авторов выглядели вполне логичными и убедительными, пока дело не доходило до рассказа о князе Данииле Романовиче Галицком. Он точно также был одарен «умом великим», прославил своё княжество, «утвердил безопасность и честь его», сумел «умной и осторожной» политикой внушить Батью уважение. И сам князь Даниил, и его преемники «рабствовали» перед татарами меньше других русских князей: «не ездили в орду бить челом, не требовали ханского утверждения в отцовских уделах, не приглашали монголов для разборов наследственных прав своих» [Кайданов 1834, 59; Устрялов 1842, 33]. Внимательный читатель не мог не заметить, что Даниил Романович действовал по отношению к татарам совсем иначе, чем Александр Ярославич, но это не привело, вопреки приведенному выше утверждению Н. Г. Устрялова, к каким-то

катастрофическим последствиям для его княжества. Получалось, что диаметрально противоположные действия двух исторических персонажей приводили в конечном счете к одинаково успешному результату — благу их подданных и благополучию подвластных им земель.

С 1860-х гг. в преподавание отечественной истории стали вводиться учебники других авторов. Первым из одобренных в этот период министерством руководств, где давалось подробное описание Невской битвы и Ледового побоища, а также появился мотив угрозы «окатоличивания» русских, стала книга Н. В. Хандрикова [Хандриков 1862, 63–66]. Этот автор откровенно сделал акцент именно на новгородском периоде княжения Александра Невского. О линии поведения последнего по отношению к ханам рассказывалось буквально в нескольких предложениях: она характеризовалась как «смирение», вынудившее князя «позволить» татарам провести «народную перепись» [Там же, 67].

В 1860 — 1870-х гг. в практику школьного преподавания были введены учебные руководства таких маститых историков, как С. М. Соловьев и Д. И. Иловайский [см. подробнее: Пашкова 2020; Пашкова 2020а, 59–60]. У этих авторов при описании достоинств Александра Невского стали доминировать «расчетливость и осторожность» [Соловьёв 1867, 37–38; Иловайский 1865, 57]. С. М. Соловьев в своей учебной книге, придерживаясь в целом такой же логики изложения, как и его предшественники, не стал затушевывать отмеченное выше противоречие в трактовке действий Александра Ярославича и Даниила Романовича, а наоборот, прямо сравнил «знаменитых современников». Не избежал этого сравнения и Д. М. Иловайский. Но оба историка сместили при этом акценты. Под пером С. М. Соловьева получалось, что «более расчётливый, осторожный и благоразумный» северный князь оказался дальновиднее южного, которому, в результате, пришлось скрыть укрепления своих городов [Соловьев 1867, 37–38, 42]. В отличие от И. К. Кайданова и Н. Г. Устрялова, он не давал прямых оценок положению Александра Невского и его действиям в отношении «степных варваров»: ни о каком «унижении», «смирении» и тем более «рабствовании» речи уже не шло. Д. И. Иловайский характеризовал стратегию князя в отношении татар более определенно как «безусловную покорность и терпение» [Иловайский 1865, 57–58]. При этом в интерпретации обоих авторов унижаться вынужден был именно Даниил Романович, хоть это ему и тяжело давалось: становился перед ханом на колени, пил кумыс и т. д., а Александр

Ярославич только «отмаливал дарами и поклонами» своих людей [Соловьев 1867, 41; Иловайский 1865, 60].

Описывая конфликт Александра Ярославича с новгородцами по поводу татарской переписи, С. М. Соловьев выражался крайне уклончиво, характеризуя действия князя как «уговоры» [Соловьев 1867, 38]. Д. И. Иловайский к уговорам добавлял угрозы князя покинуть город в случае неповиновения жителей его требованиям, но при этом дал слово и новгородцам, которые укоряли Александра Невского в том, что он «продает новгородскую вольность и свободных людей хочет сделать рабами» [Иловайский 1865, 58].

Начиная с 1870-х гг., когда произошло разделение курса на элементарный и систематический, целью преподавания в старших классах провозглашалось «упражнение мышления» и в особенности развитие в учениках «способности и восприимчивости к пониманию истории при дальнейшем изучении ее в высших учебных заведениях» [Учебные планы 1872, 111; Учебные планы 1877, 112]. В целом в учебниках для старших классов рассказ об Александре Ярославиче выстраивался в той же логике и последовательности, что и для младших¹. Однако имелись некоторые нюансы, на которых следует остановиться подробнее. Повествование становилось менее эмоциональным, но отнюдь не более аналитическим, как можно было бы ожидать, учитывая сформулированные выше цели обучения. По-прежнему, как и в первой половине XIX в., у читателей была возможность сравнить деятельность Александра Невского и Даниила Галицкого в условиях татарской неволи (галицкий князь полностью отсутствовал только на страницах одного учебника из семнадцати — В. Е. Романовского) [Романовский 1911]. В интерпретации этого сюжета мало что изменилось по сравнению с давними текстами С. М. Соловьева и Д. И. Иловайского. Покорность ханам и поездки Александра Ярославича в Орду характеризовались как «геройство», единственная возможность «спасти Русь от окончательного разорения и дать ей возможность впоследствии восстановить свою самостоятельность и независимость», а строптивость Даниила Романовича — как безрассудство и нерасчетливость [Рождественский 1873, 100, 102; Скворцов 1913, 73; Скворцов 1914, 98; Иванов 1911, 107; Катаев 1911, 83]. Характерно при этом, что практически всегда авторы учебников писали о галицком князе весьма уважительно, отдавая должное его патриотическим чувствам и деятельным хозяйственным хлопотам на пользу своего княжества. Интересно также отметить, что его союз с папой и принятие королевского титула не вызывали каких-то обвинений

в отступничестве, «предательстве» православной веры и пр., хотя несколькими страницами выше ученикам рассказывали о католической угрозе русским землям (инициатором которой выступал все тот же папа) и борьбе с ней Александра Невского [Рождественский 1873, 96–97; Полевой 1890, 61; Елпатьевский 1900, 78–80; Иванов 1911, 112–113; Катаев 1911, 88–89; Скворцов 1914, 102–103; Кубалов 1915, 85–91; Боргман 1912, 89; Коваленский 1912, 130; Платонов 1911, 97; Платонов 1914, 86–87; Богословский 1914, 76–77].

Тема защиты православной веры в некоторых учебных книгах стала звучать более отчетливо, чем в руководствах для младших школьников, но назвать это мейнстримом вряд ли возможно. Только четыре автора из семнадцати при описании новгородского периода княжения Александра Ярославича подчеркивали, что он спас русскую землю «от немецкого владычества и католицизма», что «на берегах Невы русский народ дал первый, славный отпор движению народа германского племени, который повлек бы за собой подчинение римскому папе»; «защита родины, защита православия была святым делом Александра; война с западными соседями принимала религиозный характер» [Елпатьевский 1900, 57; Иванов 1911, 104; Романовский 1911, 116; Кубалов 1915, 82]. С. Ф. Платонов впервые прямо написал, что победа на Неве воспринималась как торжество православия над католичеством и послужила поводом для причисления князя к лику святых [Платонов 1911, 92]. Остальные авторы в целом воздержались от подобных формулировок. В абсолютном большинстве случаев не считалось нужным объяснять читателям, что свое знаменитое прозвище Александр Ярославич получил «задним числом»; изложение этого сюжета строилось таким образом, что создавалось полное впечатление его бытования уже при жизни князя [см. например Платонов 1911, 92]. Исключением стали только С. Е. Рождественский и К. А. Иванов, обмолвившиеся, что прозвище появилось «в потомстве» [Рождественский 1873, 101; Иванов, 1911, 104].

Учащиеся старших классов, как правило, не получали совершенно никакой информации об обстоятельствах вокняжения Александра Ярославича на владимирском столе, его конфликте с братом и отъезде князя Андрея в Швецию. Эти сюжеты проскальзывали на страницах учебной литературы очень редко [Кайданов 1834, 58]. Оправдывая покорность Александра Невского перед татарами, некоторые авторы к традиционным аргументам, которые приводились выше, добавляли, что только таким способом можно было

избежать полного подчинения и разорения, как «Камская Болгария и земля Половецкая», отстоять «неприкосновенность внутренней жизни народа, его коренной русский быт» [Рождественский 1873, 102; Кубалов 1915, 84].

Противостояние новгородцев с великим князем по поводу татарской переписи в том или ином виде излагалось большинством авторов, при этом жители Новгорода характеризовались как «буйные», «своевольные», «легкомысленные» и «не испытывавшие на себе ужасов татарского погрома», а порывы негодования против татар «бесплодными» [Полевой 1890, 60; Елпатьевский 1900, 58; Скворцов 1913, 74; Скворцов 1914, 98; Кубалов 1915, 82]. В отличие от учебников для младшей школы, в редких случаях все же давался более подробный рассказ на эту тему, из которого становилось ясно, что Александр Невский не просто «уговорил» новгородцев «дать число», но изгнал из города своего сына Василия и тяжело наказал его советников [Иванов 1911, 106; Скворцов 1914, 99; Романовский 1911, 117]. В учебниках любили цитировать фрагменты Жития и Новгородской летописи, в которых шла речь о восхищении Александром Ярославичем хана Батыея, о том, что князь «много потрудился за Русскую землю» или о том, что «нача слыти имя Александрово по всем странам». Однако ни один автор не привел запись летописи под 1259 г., где говорилось о новгородцах: «...чернь не хотеша дати числа, но реща: „Умрем честно за святую Софию и за дома ангельские... положим главы своя у святой Софии“» [Новгородская первая 1950, 82]. Не цитировалась и летописная фраза о том, что «здума Андрей князь Ярославич с своими бояры бегати, нежели цесарем служити» [Полное собрание 1997, 473]. Причины такого отношения к источникам, думается, вполне очевидны: невозможно было дать читателям повод задуматься, что имели право на существование и существовали разные формы проявления любви к своей родной земле. Монополия на патриотизм и героичество была прочно закреплена за определенными властными фигурами (будь то Александр Ярославич или Даниил Романович); любые отклонения от этой магистральной линии могли размывать, а то и вовсе подрывать каноническую интерпретацию темы.

Что касается наглядности, то авторы учебников для старшей школы, судя по всему, не придавали ей большого значения. Во всяком случае, из всего корпуса учебников иллюстрированными были только три, при этом везде Александр Невский был представлен. Тематика иллюстраций оставалась аналогичной изданиям для младших классов: молитва в храме перед битвой [Скворцов

1914, 99], портрет Александра Ярославича и изображение его шлема [Иванов 1911, 103; Кубалов, 82]; битва со шведами на Неве [Иванов 1911, 105] и Александр Невский в ставке хана [Кубалов, 84].

В целом в учебных руководствах для старшей школы не происходило какого-то качественного скачка ни в смысле отбора содержания, ни с точки зрения глубины анализа исторического материала. Текст становился более «взрослым» (в нем было меньше авторской «отсебятины», использовались пространные предложения и более сложная терминология), но по-прежнему содержал много умолчаний и мало аналитики. В данном случае требование учебного начальства «кратко» излагать темные события и явления русской истории явно входило в противоречие с позиционированием курса как «систематического». Это по-прежнему было не цельное полотно, а скорее отдельные, в основном «светлые», мазки к портрету героя. Конфликтные ситуации, если они встречались в повествовании, излагались только с точки зрения одной, «правильной», стороны. Представляется, что в результате не вполне решалась и вторая задача курса истории в старших классах — подготовка к слушанию университетских лекций. Нагляднее всего существенные смысловые различия между школьными и нешкольными (то есть предназначенными для взрослой аудитории) текстами можно увидеть на примере работ С. М. Соловьева и Д. И. Иловайского.

<p>«Андрей недолго княжил во Владимире: изгнанный татарами в 1252 г., он принужден был бежать в Швецию, а великое княжение Владимирское получил Александр Невский» [Соловьев 1863, 51]</p>	<p>«Александр, как старший, не мог быть доволен таким решением, ибо давно уже Владимир получил первенство над Киевом... Вот почему Невский мог считать себя в праве сердиться на младшего брата, видеть в нем хищника прав своих... В 1250 г. Андрей вступил в тесную связь с Даниилом Галицким, женившись на его дочери; а в 1252 г. Александр отправился на Дон, к сыну Батыеву Сартаку, с жалобой на брата, который отнял у него старшинство и не исполняет своих обязанностей относительно татар. Александр получил старшинство, и толпы татар, под начальством Неврюя, вторгнулись в землю Суздальскую» [Соловьев 1851, 838–839]</p>
--	---

<p>«В это время в Новгороде образовались уж две стороны: сторона лучших и сторона меньших людей (аристократическая и демократическая). Лучшие соглашались на перепись, но меньшие не хотели; насилу Александр мог уговорить их» [Соловьев 1863, 52]</p>	<p>«Приехал в Новгород великий князь с татарскими послами, которые начали требовать десятины и тамги; новгородцы не соглашались... сам Василий, сын Невского, был против дани, следовательно, против воли отцовской, и выехал во Псков, как только отец приехал в Новгород; Александр выгнал его оттуда и отправил в Суздальскую область, а советников его наказал жестоко» [Соловьев 1851, 841]</p>
<p>«Неоднократными путешествиями в Орду с богатыми дарами он успел приобрести расположение Батия и его преемников; сделавшись великим князем, Александр особенно старался внушать русскому народу терпение и покорность в отношении к завоевателям» [Иловайский 1901, 47]</p>	<p>«Александр очевидно не был доволен тем, что Владимирское княжение осталось младшему перед ним брату Андрею. <...> В то время в Суздальской Руси была еще слишком свежа память об утраченной свободе и независимости... Многие с нетерпением сносили постыдное иго. К числу их принадлежал и Андрей Ярославич. Будучи великим князем Владимирским, он женился на дочери знаменитого Даниила Романовича Галицкого, и, вероятно заодно с тестем, начал пытаться замышлять о свержении ига. Но нашлись соперники и недоброжелатели, которые донесли Сартаку о замыслах Андрея. Хан послал против него войско под начальством ордынского царевича Неврюя... Есть известие, не знаем насколько справедливое, которое приписывает посылку татарского войска на Андрея проискам самого Александра Ярославича. Знаем только, что во время Неврюева нашествия (1252) Александр находился в Орде у Сартака, и воротился оттуда с ханским ярлыком на княжение Владимирское» [Иловайский 1880, 417–418]</p>
<p>«Первый пример неповиновения подали новгородцы; они не хотели позволять у себя татарским баскакам поголовную перепись... Когда же Александр и бояре новгородские начали уговаривать граждан, чернь подняла мятеж, убила своего посадника и укоряла великого князя в том, что он продает новгородскую вольность, и свободных людей хочет сделать рабами. Только слухи о приближении сильного татарского войска и угрозы Александра покинуть город на жертву ханскому гневу заставили новгородцев смириться» [Иловайский 1901, 47]</p>	<p>«Новгородцы „сильно взволновались, когда услышали, что к ним придут татарские численники... Сторону горячих патриотов держал и сам юный князь новгородский Василий Александрович. Услыхав о приближении отца с ханскими послами, он не стал дожидать его, и убежал во Псков... Александр сильно разгневался на сына Василия и отправил его на Низ, т. е. в Суздальскую землю; а некоторых его дружинников жестоко покарал за их мятежные советы: кого велел ослепить, кому отрезать нос. Варварское иго уже давало себя знать в этих наказаниях“» [Иловайский 1880, 422]</p>

Из приведенных примеров можно заметить, что в школьных текстах были выпущены сведения о конфликтах и разногласиях по отношению к ордынцам внутри княжеского семейства, обстоятельствах появления на Руси Неврюевой рати, «варварском» наказании дружинников, поддержавших «горячий патриотизм» новгородцев и т. д. И дело, конечно, не в том, что учебные тексты в силу объективной необходимости должны были быть короче, а в том, что производился определенный *отбор* информации, который сам по себе уже являлся *интерпретацией* и в результате предлагал читателям несколько иные смыслы.

Заключение

Итак, на примере Александра Невского мы видим, что при конструировании образа идеального национального героя авторы учебной литературы прибегали к определенным приёмам. Общими как для учащихся младших, так и для учащихся старших классов гимназий были лакуны в изложении биографии персонажа (в частности, на страницах абсолютного большинства учебников не нашлось места для рассказа о конфликте Александра с братом Андреем Ярославичем из-за великого княжения в 1251 г. и Неврюевой рати; конфликте с новгородцами в 1255 г., когда они выгнали сына Александра Василия и фактически посадили на его место Ярослава Ярославича, поддерживавшего князя Андрея; расправе с дружиной и советниками Василия в 1257 г. и т. д.) и избирательное цитирование немногочисленных исторических источников. В изложении для младших школьников к перечисленному добавлялись апелляция к чувствам, а не к размышлению, визуальный контент и в ряде случаев откровенный художественный вымысел. Таким образом, рассмотренный сюжет является вполне типичным примером общего подхода образовательного ведомства и авторов учебников к изложению прошлого, который можно обозначить как «предписанное незнание».

Примечания

- ¹ Единственным исключением являлся учебник А. Я. Ефименко, в котором материал был структурирован совершенно иначе: присутствовала глава «Нашествие монголов и возвышение Руси московской», в которой вообще не было отдельного параграфа, посвященного Александру Невскому [Ефименко 1909, 65–78].

Литература

Источники

Баженов 1881 — Баженов Н. Учебник русской истории для III класса женских гимназий Мин. нар. просвещения, для IV класса городских училищ, для пригготовительного класса учительских семинарий и иных учебных заведений с соответствующим курсом отечественной истории. Кронштадт: тип. «Кронштадтский вестник», 1881.

Беллярминов 1901 — Беллярминов И. Руководство к русской истории с дополнением из всеобщей: (В жизнеописаниях и эпизодах): Курс женск. прогимназий и низших классов гимназий, составленный применительно к примерной программе, утвержденной г. министром нар. просв. 15-е изд. СПб.: скл. изд. у составителя, 1901.

Беллярминов 1907 — Беллярминов И. Курс русской истории (элементарный): С рис. и карт. / Сост. И. Беллярминов. 11-е изд., с рис. и карт. в тексте, перепеч. с 3-го изд. СПб.: тип. И. Н. Скороходова, 1907.

Богословский 1914 — Богословский М. Учебник русской истории. М.: т-во И. Д. Сытина. Отд. средней школы, 1914. Ч 1. Курс IV класса гимназий.

Боргман 1914 — Боргман А. Отечественная история для младших классов средних учебных заведений: С 48 рис., родослов. и хрон. табл.: (Применительно к прогр. 13 июля 1913 г.). СПб.: тип. т-ва А. С. Суворина — «Новое время», 1914.

Боргман 1912 — Боргман А. Учебная книга по русской истории: (Руководство для старших классов средних учебных заведений). Ч. 1. СПб.: Тип. т-ва А. С. Суворина «Новое время», 1912.

Владимирский 1914 — Владимирский В. Русская история. Курс элементарный. СПб.: Типо-литогр. «Якорь», 1914.

Выписка 1883 — Выписка из журнала Ученого комитета министерства народного просвещения 28 июня 1883 г. (№ 805), утвержденного министром 15 июля 1883 г. // Журнал Министерства народного просвещения. 1883. Ч. ССXXIX. Сентябрь. Отд. 1. С. 34–36.

Добрынин 1911 — Добрынин К. Краткий курс русской истории (с дополнениями из всеобщей): Для 3 кл. жен. гимназий. М.: В. С. Спиридонов, 1911.

Добрынин 1914 — Добрынин К. Элементарный курс русской истории. Для I и II классов мужских гимназий и реальных училищ и для городских училищ. 4-е изд. М.: В. С. Спиридонов, 1914.

Дучинский 1914 — Дучинский Н. Русская история. Курс элементарный: Для мл. кл. сред. учеб. заведений. М.: Т-во И. Д. Сытина, 1914.

Езерский 1900 — Езерский Н. К вопросу о реформе гимназии // Русская школа. 1900. № 9. С. 116–149.

- Елпатьевский 1900* — Елпатьевский К. Учебник русской истории : С прил. родослов. и хронол. табл. и указ. личн. имен. 6-е изд., перепеч. без перемены с 5-го изд. СПб.: тип. В. Демакова, 1900.
- Ефименко 1909* — Ефименко А. Учебник русской истории: Для старших классов средне-учебных заведений. СПб.: Издание Брокгауза и Ефрона, 1909.
- Ефименко 1914* — Ефименко А. Элементарный учебник русской истории: Курс эпизодический для средне-учебных заведений и высших начальных училищ. 4-е изд., испр. СПб.: Издание Я. Башмакова и К°, 1914.
- Золотов 1863* — Золотов В. История России в картинах. Вып. III. СПб.: Н. Дементьев, 1863.
- Иванов 1911* — Иванов К. Учебник русской истории. Систематический курс. 4-е изд. СПб.: Типо-литогр. М. П. Фроловой, 1911.
- Иловайский 1865* — Иловайский Д. Краткие очерки русской истории, приспособленные к курсу средних учебных заведений. 6-е изд. М.: Тип. Грачева и К°, 1865.
- Иловайский 1880* — Иловайский Д. История России. Т. 1. Ч. 2: Владимирский период. М.: Тип. П. Лебедева, 1880.
- Иловайский 1899* — Иловайский Д. Руководство к русской истории: Средний курс (соответственный плану третьего класса гимназий). 39-е изд. М.: Тип. А. В. Васильева, 1899.
- Иловайский 1901* — Иловайский Д. Краткие очерки русской истории, приспособленные к курсу средних учебных заведений: Курс старшего возраста. 34-е изд. М.: Тип. Грачева и К°, 1901.
- Ишимова 1879* — Ишимова А. Сокращенная русская история. 4-е изд. СПб.: Тип. А. Траншеля, 1879.
- Кайданов 1834* — Кайданов И. К. Краткое начертание российской истории, составленное для руководства при первоначальном изучении российской истории профессором Иваном Кайдановым. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1834.
- Катаев 1911* — Катаев И. Учебник русской истории для средних учебных заведений. 3-е изд., пересм., испр. и доп. Вып. 1. М.: Т-во И. Д. Сытина, 1911.
- Каталог 1854* — Каталог книг и учебным пособиям, употребляемым в гимназиях, уездных и приходских училищах, и другим книгам, находящимся в книжном магазине Департамента народного просвещения. СПб., 1854.
- Коваленский 1912* — Коваленский М. Учебник русской истории для старших классов среднеучебных заведений. Ч. 1. М.: В. М. Саблин, 1912.

Кубалов 1915 — Кубалов Б. Систематический курс русской истории. 2-е изд., испр. и доп. Ч. 1. Одесса: М. С. Козман, 1915.

Либен, Шуйская 1888 — Либен П., Шуйская А. Краткий курс русской истории: С приложением родословных и хронологических таблиц и семи карт. СПб.: Тип. Ю. Штауфа, 1888.

Метельский 1909 — Метельский В. Русская история: Элементарный курс: Для 3 кл. жен. гимназий и прогимназий. 2-е изд., доп. Николаев: электр. типо-литогр. бр. Белолипских, 1909.

Мостовский 1904 — Мостовский А. Краткие очерки истории России. 5-е изд., вновь обработ. Рига: К. Г. Зихман, 1904.

Новгородская первая 1950 — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1950.

Острогорский 1910 — Острогорский М. Учебник русской истории: Элементар. курс: С рис., карт., табл. и вопр. для повторения: Для сред. учеб. заведений и гор. училищ. 22-е изд. СПб.: Тип. Тренке и Фюсно, 1910.

Платонов 1911 — Платонов С. Учебник русской истории для средней школы: курс систематический, в двух частях: с приложениям пяти карт. 4-е изд. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1911.

Платонов 1914 — Платонов С. Сокращенный курс русской истории для средней школы: Упрощ. и сокр. руководство для 4, 5 и 6 кл. муж. гимназий и для других учеб. заведений. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1914.

Повесть о житии 1981 — Повесть о житии и о храбрости благоверного и великого князя Александра // Памятники литературы Древней Руси, XIV — середина XV в.: Памятники литературы Древней Руси: XIII в.: Сб. текстов / Сост. и ред. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева. Вып. 3. М.: Художественная литература, 1981.

Полевой 1890 — Полевой П. Русская история для мужских средних учебных заведений: Курс систематический. СПб.: Д. Д. Полубояринов, 1890.

Полное собрание 1997 — Полное собрание русских летописей. Т. 1: Лаврентьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 1997.

Попелишев 1916 — Попелишев В. Отечественная история: Для начальных училищ и мл. классов сред. учеб. заведений. 2-е изд. Петроград.: Н. П. Карбасников, 1916.

Преображенский 1885 — Преображенский Г. Эпизодический курс отечественной истории. Ярославль: Тип. Г. В. Фальк, 1885.

Пузицкий 1902 — Пузицкий В. Отечественная история в рассказах: Для мл. кл. сред. учеб. заведений. М.: Кн. маг. В. В. Думнова, п/ф. «Насл. бр. Салаевых», 1902.

- Рассказы 1902* — Рассказы из русской истории, составленные комиссией преподающих историю в средних учебных заведениях г. Тифлиса. Курс 1 и 2 классов средних учебных заведений. Тифлис: Тип. К. П. Козловского, 1902.
- Рождественский 1873* — Рождественский С. Отечественная история в связи со всеобщей (среднею и новою): Курс сред. учеб. образования. 3-е изд., испр. СПб.: Тип. И. Мордуховского (б. Неклюдова), 1873.
- Рождественский 1881* — Рождественский С. Отечественная история в картинах для школы и дома. СПб., 1881.
- Романовский 1911* — Романовский В. Руководство по русской истории: (Для ст. кл. сред. школы и для самообразования): В 2 ч. Ч. 1. М.: К. И. Тихомиров, 1911.
- Сальников 1893* — Сальников А. Краткий учебник русской истории в биографических очерках: (Курс старшего возраста). 2-е изд. СПб.: В. И. Губинский, 1893.
- Сальников 1895* — Сальников А. Краткий обзор русской истории: (Курс гор. уч-щ). СПб.: В. И. Губинский, 1895.
- Сальников 1902* — Сальников А. Руководство к отечественной истории: Курс мл. кл. гимназий и реал. уч-щ. СПб.: П. П. Сойкин, 1902.
- Скворцов 1913* — Скворцов И. Русская история: Для ст. классов средне-учеб. заведений и самообразования. 3-е изд. СПб.: Я. Башмаков и К^о, 1913.
- Скворцов 1914* — Скворцов И. Учебник русской истории: (систематический курс): для средних учебных заведений: в 4-м издании допущен Учебным комитетом в качестве учебного руководства для ... класса мужских гимназий. Ч. 1. 4-е изд. М.: Т-во И. Д. Сытина, 1914.
- Соловьев 1851* — Соловьёв С. История России с древнейших времен. Кн. 1. Т. 1–5. СПб.: в Университетской типографии (Катков и К^о), 1851.
- Соловьев 1863* — Соловьёв С. Учебная книга русской истории. 4-е изд. М.: Тип. В. Грачева и Ко, 1863.
- Соловьев 1867* — Соловьёв С. Учебная книга русской истории. 7-е изд. М.: Тип. В. Грачева и Ко, 1867.
- Турцевич 1894* — Турцевич А. Русская история (в связи с историей Великого княжества литовского): Курс 3 кл. гимназий и реал. уч-щ. Вильна: Тип. А. Г. Сыркина, 1894.
- Устрялов 1842* — Устрялов Н. Начертание русской истории, для средних учебных заведений. 4-е изд. СПб.: Тип. Штаба воен.-учеб. заведений, 1842.
- Учебные планы предметов 1872* — Учебные планы предметов, преподаваемых в мужских гимназиях Министерства народного просвещения // Журнал Министерства народного просвещения. 1872. Ч. CLXII, июль. Отд. I. С. 35–161.

Учебные планы предметов 1877 — Учебные планы предметов, преподаваемых в мужских гимназиях Министерства народного просвещения // Журнал Министерства народного просвещения. 1877. Ч. СХСП, июль. Отд. I. С. 36–173.

Фармаковский 1898 — Фармаковский В. Русская история, с присовокуплением необходимых сведений из истории всеобщей: По способу Грубе, изложил В. Фармаковский. 8-е изд. Одесса: Е. П. Распопов, 1898.

Хандриков 1862 — Хандриков Н. Учебник русской истории. М.: О-во распространения полезных книг, 1862.

Черепнин 1913 — Черепнин Н. Русская история: Курс эпизодический: Учеб. книга для младших классов сред. учеб. заведений и для гор. уч.-ш. 2-е изд., испр. СПб.: Книгоиз. т-во «Просвещение», 1913.

Шуф 1870 — Шуф А. Рассказы и биографические очерки из русской истории: С кратким описанием древностей Москвы: Учебник для младш. возраста. 2-е изд. М.: Бр. Салаевы, 1870.

Исследования

Кривошеев, Соколов 2009 — Кривошеев Ю., Соколов Р. Александр Невский: эпоха и память: исторические очерки. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2009.

Кривошеев, Соколов 2013 — Кривошеев Ю., Соколов Р. Феномен национального героя в общественном сознании и идеологии (на примере Александра Невского) // Труды исторического факультета С.-Петербургского университета. 2013. № 15. С. 43–57.

Пашкова 2020 — Пашкова Т. Авторы школьных учебников по русской истории: известные и неизвестные (XIX — начало XX в.) // Непрерывное образование. 2020. Вып. 1 (31). С. 74–81.

Пашкова 2020а — Пашкова Т. Учебные руководства по отечественной истории для средних учебных заведений в каталогах Министерства народного просвещения (1860-е — 1916 гг.) // Вестник ПСТГУ. Серия IV: Педагогика. Психология. 2020. № 58. С. 57–73.

Соколов 2014 — Соколов Р. Александр Невский в отечественной культуре и исторической памяти: автореферат дисс... д. историч. н. / С.-Петерб. гос. ун-т. СПб., 2014.

Ферро 1992 — Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М.: Высшая школа, 1992.

Шенк 2007 — Шенк Ф. Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263 — 2000). М.: Новое литературное обозрение, 2007.

References

- Ferro 1992* — Ferro, M. (1992). *Kak rasskazyvayut istoriyu detyam v raznykh stranakh mira* [How the history is told to children in different countries of the world]. Moscow: Vysshaya shkola.
- Krivosheev, Sokolov 2009* — Krivosheev, Ju., Sokolov, R. (2009). *Aleksandr Nevskij: Jepoha i pamjat'. Istoricheskie ocherki.* [Alexander Nevsky: Epoch and memory. Historical essays]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta.
- Krivosheev, Sokolov 2013* — Krivosheev, Ju., Sokolov, R. (2013). *Fenomen nacional'nogo geroja v obshhestvennom soznanii i ideologii (na primere Aleksandra Nevskogo).* [The phenomenon of a national hero in public consciousness and ideology (on the example of Alexander Nevsky)]. *Trudy istoricheskogo fakul'teta S.-Peterburgskogo universiteta*, 15, 43–57.
- Pashkova 2020* — Pashkova, T. (2020). *Avtory shkol'nyh uchebnikov po russkoy istorii: izvestnye i neizvestnye (XIX — nachalo XX veka).* [Authors of school textbooks on Russian history: known and unknown (19th — early 20th century)]. *Nepreryvnoe obrazovanie*, 1(31), 74–81.
- Pashkova 2020a* — Pashkova, T. (2020a). *Uchebnye rukovodstva po otechestvennoy istorii dlya srednih uchebnyh zavedenij v katalogah Ministerstva narodnogo prosveshcheniya (1860-e — 1916 gg.).* [Textbooks on national history for secondary educational institutions in the catalogs of the Ministry of Public Education (1860s — 1916)]. *Vestnik PSTGU, Seriya IV: Pedagogika. Psihologiya*, 58, 57–73.
- Shenk 2007* — Shenk, F. (2007). *Aleksandr Nevskiy v russkoy kul'turnoy pamyati: svyatoy, pravitel', nacional'nyj geroy (1263 — 2000).* [Alexander Nevsky in Russian cultural memory: saint, ruler, national hero (1263 — 2000)]. Moscow: *Novoe literaturnoe obozrenie*.
- Sokolov 2014* — Sokolov, R. (2014). *Aleksandr Nevskiy v otechestvennoy kul'ture i istoricheskoy pamyati.* [Alexander Nevsky in national culture and historical memory] (habilitation dissertation). Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg.

Tat'jana Pashkova

Herzen State Pedagogical University of Russia, Candidate of Sciences in History, Associate Professor, History and Social Sciences Department;
ORCID 0000-0001-7504-6298

ALEXANDER NEVSKY ON THE PAGES OF PRE-REVOLUTIONARY
EDUCATIONAL LITERATURE FOR SCHOOLCHILDREN:
CONSTRUCTING THE IMAGE OF A NATIONAL HERO

The article deals with the practice of constructing the image of a national hero in the educational literature of the 19th — 20th century on the example of Prince Alexander Yaroslavich Nevsky. The object of the study is 27 manuals on Russian history for junior classes of gymnasiums and 22 for senior classes, that is, the entire content of compulsory textbooks approved by the Ministry of Public Education during the study period and included in special catalogs of educational literature. As a result of the study, the following conclusions are drawn. On the pages of textbooks for primary school, the most idealized image of Alexander Nevsky was offered, approaching an apologetic hagiographic portrait, which was achieved through an emotional impact on the reader, selective citation of sources, sometimes a certain author's "thinking through" and direct artistic fiction concerning the character of the hero, his way of life, education, etc. In textbooks for high school, there has not been any qualitative leap either in terms of the selection of content or in terms of the depth of analysis of historical material. The text became stylistically more "adult", but still contained many omissions and little analysis.

Keywords: Alexander Nevsky, national hero, historical memory, educational literature, pre-revolutionary school